Биографический отдел

Последний ножешний денего.

Туплю с ваги я, другол.

А завтра рапо, чем светочек име болом воскрес.

Запрачет вся мах семья.

Запрачет бротья мом, сёстря, на ум. Тоголя.

Запрачение водопроводников: ТРУБА дара попину (от глагола лопину ты годог чемы.

Биографический отдел

Интервью с бывшей студенткой филологического факультета БашГУ Екатериной Спиридоновой*

«Назировский архив»: Я хотел начать по порядку. Помнишь ли ты, как ты впервые его увидела? Какие у тебя были впечатления?

Екатерина Спиридонова: Да, тогда я буду говорить всё, не приукрашивая свои впечатления. В общем, Ромэна Гафановича Назирова я в первый раз увидела в первый наш учебный день. Это было, по-моему, первое сентября или второе сентября первого курса. Его лекция была сразу после лекции профессора по античной литературе. Мне стыдно, но я не помню, как его звали.

Античную литературу, наверное, Гутман читал.

Гутман, точно.

Он не был профессором. А это был 97-й год?

Это был 97-й год. И после того как первую лекцию у нас вёл Гутман. Это была огромная аудитория, в которую набился весь первый курс, все галдели, шумели, невозможно было сосредоточиться на предмете, достаточно было сложно к восприятию, хотя человек он был, безусловно, прекрасный, и предмет свой знал хорошо, но на лекции, признаюсь честно, скучали всё равно. И когда вошёл Ромэн Гафанович Назиров, я подумала, что сейчас, наверное, будет то же самое, то есть абсолютно такой же слабый голос, такой же бубнёж себе под нос, но когда он открыл рот, все остатки сна улетучились. Потому что как раз это были первая, потом вторая пара, всё равно поспать хотелось подольше после лета. А тут абсолютно сразу же приковал к себе внимание. Его лекция это и артистизм, и там присутствовал и командный голос, вот у меня сразу сравнение было с Понтием Пилатом, хотя фильм «Мастер и Маргарита» тогда не поставили, я «Мастера и Маргариту» прочитала где-то лет в 12, и Понтия Пилата именно таким представляла, то есть с командным голосом таким, будто он на баррикады куда-то зовёт. И настолько интересно было его слушать! Вот я помню потом уже и первый, и второй, и третий курс, и так далее — приходили студенты с других факультетов послушать Ромэна Гафановича Назирова и популярность у него была бешеная. И это был единственный преподаватель, который курил у нас в коридоре, не выходя ни в курилку, ни в туалет, он курил, причём так очень красиво, артистично опять же. Вот

^{*}Интервью брал главный редактор «Назировского архива» Борис Орехов.

вообще артистизм был свойствен его натуре, мне кажется, во всех проявлениях, не только в том, как он читает лекции, как он курит сигарету, а в том, как он себя держит.

А ещё Брянцева курила прямо в аудитории в университете.

Я не видела. Может быть, я не обращала внимания. Я видела Ромэна Гафановича Назирова, и я поначалу его очень боялась. У меня и преклонение перед этим человеком было, потому что чувствовались и его академические знания и его воля, его внутренний стержень, его жёсткость, его принципиальность, он мог сказать какие-то вещи в лицо. Не нахамить, а сказать то, что он думает, теми словами, которыми он думает. А я уверена, он думал так же, как и говорил, то есть без мата, без скабрезных штучек, своё мнение, также негативное, он выражал открыто, прямым текстом говорил человеку. Я просто была свидетельницей таких вот случаев. И так же мне, когда на первом курсе он как-то ко мне подошёл, около расписания в коридоре я стояла, а я тогда любила чёрный цвет и часто одевалась в какие-то чёрные вещи, у меня были тёмно-синие, почти чёрные, джинсы, чёрный свитер, я сама худая, прямая, на высоких каблуках. И вот он подошёл, смерил меня взглядом и говорит: «Вы знаете, на кого вы похожи?» Я так опешила, говорю: «На кого?» — «На восклицательный знак!» И я осталась стоять, размазанная этим высказыванием, сбитая с толку, просто огорошенная, и я его стала бояться ещё больше. Но потом после этого он, видимо, как-то меня заметил, а у Ромэна Гафановича всегда было большое преклонение перед женской красотой. Женщин он различал так же, как лошадей по каким-то признакам различают: ноги, стан, круп, какой-то хвост, какое-то копытце. У него у женщин были какието такие признаки. Я просто не раз замечала, как он именно волосы отмечал, талию, там, что-то ещё, пропорции какие-то, глаза. У него было любование женское красотой. И вот когда он спросил меня: «У вас сами волосы вьются?», я сказала: «Да, сами», я, видимо, на ступеньку для него выросла. И вообще также ни для кого не секрет, что оценку у Ромэна Гафановича Назирова даже самая тупая ученица, но будь она хорошенькой, получит на балл выше. Это правда. Я сама была свидетельницей, там девочка ни бе, ни ме, ни кукареку, он ей поставил даже, по-моему, не «три», а «четыре». А ещё помню случай такой, что у нас одна девочка, когда Ромэн Гафанович поставил ей «четыре» (а она была отличницей), то есть у неё был какой-то неполный ответ, и он отнёсся к ней объективно, не завысил оценку, может быть, даже чересчур объективно, я не знаю, но она рыдала в коридоре, у неё была истерика. Причём она не истеричная абсолютно особа, но она рыдала и она постоянно говорила: «Я что, некрасивая, что мне Ромэн Гафанович поставил "четыре"? Я что, такая некрасивая?» И у неё это даже не из-за оценки, а это было как бы априори, что если Ромэн Гафанович хорошо тебя оценивает, значит, то твои внешние данные тоже в порядке. Если он оценивает тебя чересчур строго, значит, ты не совсем как бы соответствуешь каким-то идеалам красоты. Канонам. Ну вот у девочек самооценка падала, кого он оценивал не на пятёрки, а на четвёрки и тройки.

Это мы говорим про первые впечатления от Ромэна Гафановича. А потом они менялись как-то?

А потом он начал отмечать меня на... Ну вот как, получается, есть лекции, а есть практические занятия. И он вызвал меня к доске на первом занятии. Причём так интересно. Я вижу, что он прямо на меня смотрит и гуляет по списку, он не понял, что у меня за фамилия, и говорит: «А вот вас как зовут? Вот пожалуйте к доске». А я была не готова. И я так гуляла, плавала и мне было так стыдно, что я не могу должным образом ответить, а он вокруг меня ходил. Наверное, это выглядело очень комично: я стою, краснею-бледнею, теряюсь, путаюсь в ответах, он вокруг меня ходит...

А про что было это первое занятие?

Я сейчас не вспомню, если честно. У нас литературоведение он вёл и ещё какие-то предметы, что-то связанное с зарубежной литературой и с мировой художественной культурой. Как-то предмет назывался, я точно не помню. Кстати, я до сих пор его лекции храню.

На первом курсе это было введение в литературоведение (кажется, он его читал предпоследний раз тогда), а на старших курсах—культура и религия и история эстетических учений. Ну и какие-то курсы по русской литературе.

Да, скорее всего, это был первый курс, потому что он тогда не знал наших фамилий, както путался. И он меня вызвал на первом занятии, а всего практических занятий было, помоему, ну, скажем, пять или шесть. И когда он мне плюсик поставил, что я отвечала, а надо было видеть, что я стояла, путалась в ответах, а он вокруг меня ходил, очень довольный такой, просто ходил, меня рассматривал с ног до головы, что меня ещё больше смущало, я тогда подумала: ну всё, отмучилась, нас много человек. И нужно, чтобы каждый ответил, так что всё. Снаряд в одну воронку не попадает дважды. Но на втором практическом занятии он начал с того, что сразу вызвал меня к доске. И я опять там простояла, и уже однокурсники начали посмеиваться: «Ха-ха! Всё понятно, значит, можно не учиться!» Так получилось, что он вызывал меня на всех практических занятиях. Я уже потом готовилась, конечно. Думала: раз уж второй раз, то на третий раз нужно подготовиться, на всякий случай. И правда он меня вызывал каждое занятие. Его абсолютно не интересовали какие-то там насмешки, что о нём подумают, вот что мне тоже в нём нравилось: его абсолютно не занимало, а что люди скажут. Извечный страх, который присутствует у большинства людей, что все вокруг не так будут трактовать мои поступки. Он был в себе уверен и он был внутренне свободный человек, как мне сейчас кажется и тогда казалось. Так вот, получается, все практически занятия я так и простояла у доски, он мне поставил крестики за все занятия, что я отвечала. У него были какие-то симпатии и он не боялся их проявлять, потому что он внутренне был очень порядочным человеком, без пошлостей, без двойных мыслей. В нём это чувствовалось и его уважали за это — за прямолинейность, за то, что он открыто может себя проявлять каким-то образом. И всё это было очень достойно, даже вот такое ощущение аристократизма от него исходило.

Я думала про Ромэна Гафановича, очень применимое к нему словосочетание, я думала, почему он не воспринимался как пожилой человек. Я помню, в последнюю нашу встречу, а мы с ним случайно встретились — какое-то было открытие мемориала рядом с парком Матросова, и мы там случайно оказались рядом, и он мне пожаловался с такой горечью, что, знаете, Катя, мне уступила место в автобусе девушка. Симпатичная девушка уступила ему место, сказала: «Садитесь, пожалуйста». «Я, — говорит, — был убит этим». Он не воспринимал себя как старого или пожилого человека. И ощущение от него было как от молодого человека с прямой спиной. У него был жар сердца. Может быть, ты понимаешь, о чём я говорю. Когда видишь пожилых людей, они даже говорят (я с такими разговаривала, поскольку я журналист, у меня были разные абсолютно интервью с разными людьми): мне сейчас уже ничего неинтересно, вот раньше меня всё интересовало, хотелось всё попробовать, всё увидеть, всё узнать, а сейчас мне ничего уже неинтересно, у меня желаний почти не осталось. У него всего этого не было. У него вот этот вот жар молодого сердца прямо чувствовался.

Но в юности он, судя по его дневникам, горел больше.

Ну откуда мы можем это знать? Я тоже в юности вела дневники, и даже там не всё писала, потому что мысли были такие: а вдруг кто-нибудь прочитает? Но вообще дневнику принято признаваться, давать отчёт полностью обо всех делах. Дневник — это одно, а совсем другое — это общество. То есть я так поняла, судя по его дневникам (хотя совсем немного пока прочитала), что в обществе-то он, в общении с другими людьми, даже будучи 16-летним человеком, не был открыт. То есть мы по дневникам знаем обо всех этих его страстях. Внешне он был достаточно сдержанным, я так поняла. Умел играть, умел анализировать поступки окружающих с юности.

Да, конечно, он был закрытым человеком, но при этом не всегда производил такое впечатление.

Да, и может быть, как и в юности, так и в зрелом возрасте, до конца своих дней он сохранил этот жар сердца, и это выгодно отличало его от коллег. Вот, например, Гутман, я его бесконечно уважаю и мне он нравится как человек и как преподаватель, но у него уже было ощущение, что он пожилой человек, преклонного возраста. У Ромэна Гафановича нет. Ощущение вот этой прямой спины, ни сутулости, ни горбинки. Он не позволял себе расслабиться, для него это было естественное состояние—прямая спина и живой интерес к окружающему его миру.

А ещё какие-то случаи прямолинейных высказываний ты помнишь? Как вот про восклицательный знак, но, может быть, не про тебя лично?

Он на лекции мог высказаться. Например, если кто-то опаздывал, то он просто испепелял взглядом, то есть он этого просто не терпел, это я абсолютно точно помню. И даже помню, какая-то студентка опоздала, и так вот прямо втянув голову в плечи вбежала в аудиторию. Он её проводил испепеляющим взглядом, промолчал, но эта пауза была тяжёлой, вся аудитория затаив дыхание смотрела за этой студенткой. Как она пыталась пролезть за парту, буквально сгорая под этим взглядом. Также несколько случаев помню, когда он говорил: «Какого чёрта!» — вот так вот громогласно, когда кто-то опаздывал или заходил без стука. Всякие случаи бывают, когда в аудиторию какая-нибудь голова высунется: «Эйгенсона можно? Позовите Эйгенсона» или «Выйди!» кому-нибудь, и вот тогда его гнев был ужасен. Достаточно гневливый человек был, насколько я могу судить, по таким наблюдениям. Мог быстро выйти из себя, но, опять же, как говорят, не бывает идеальных людей. У каждого человека есть какие-то свойства, какие-то черты характера, и они в случае Ромэна Гафановича, как та изюминка, обрамляли его личность, как рама — картину. То есть дополняли его личность. Я так поняла, что это человек, который сделал себя сам. То есть мало того, что он был потрясающе образованным. Бывают люди, которые копят знание, как книжный шкаф. Эти знания в них лежат, но они ими не пользуются, не систематизируют их. А Ромэн Гафанович эти знания переработал в себе, переосмыслил и выдавал студентам именно своё — своё видение мира, своё мироощущение на основе того, что он знает, того, что он видел, того, что он пережил. И вместе с этими знаниями каких-то древних эпох, от каких-то там мамонтов до современного мира, реалии — это было, конечно, чудесно. И его мастерство рассказчика, а он действительно владел этим искусством рассказывания. И он мог держать аудиторию в напряжении. И действительно его лекции нельзя было пропустить, это как обкрадывать самого себя. На фоне преподавателей, которые просто уныло бубнили свой предмет, абсолютно неинтересно... сейчас вспомнила лица этих преподавателей. Опять же, не буду называть. Которые уже в БГУ даже не работают некоторые.

А ты потом дальше писала у него курсовую работу? Диплом?

К сожалению, нет. Я писала курсовую работу у Мурсалиевой по зарубежной литературе, туда меня прибило. Потому что у каждого преподавателя должно было быть определённое число подопытных кроликов, так скажем.

Да, это называется «нагрузка».

Да, нагрузка. И у Ромэна Гафановича, видимо, огромное число желающих было. Я кафедру зарубежной литературы выбрала уже, а он по русской литературе XIX века, насколько я помню, специализировался.

А вы как-то ещё взаимодействовали?

Получилось, мы с ним общались даже после окончания университета, мы с ним не потерялись. Как— не помню. По-моему, обменялись телефонами именно на выпускном вечере.

А потом он мне звонил, и мы с ним поддерживали общение. Да, мы случайно встретились на открытии мемориальной доски, и он всегда какие-то комплименты делал.

А это была какая-то доска на вот этом здании на ул. Ленина, дом 2?

Напротив Медицинского университета, там есть дома. Я не помню, честно, какая доска. Это было не важно, мы с Ромэном Гафановичем встретились, начали разговаривать, он мне пожаловался как раз, что ему уступили место в общественном транспорте, с грустью, с болью даже, что вот, я теперь пожилой человек, как я могу себя ощущать пожилым, это ужасное чувство для него было. В душе мне вообще...

А получается, что вы больше общались после окончания, чем когда ты училась?

Нет, зачем, когда я училась, тоже. Я помню, что он меня даже спросил (я просто рассказываю, как есть): «Катя, а у вас есть молодой человек?» А я как бы попрыгунья-стрекоза, у меня было много людей, которые за мной ухаживали, и никого из них я не выделяла. И я ему как-то ответила так вот: «Ой, да у меня их много!» Надеюсь, он не посмеялся на этим. То есть он спросил конкретно, видимо, о серьёзных отношениях речь шла. И он сказал: «Как я им завидую!» И я ему ответила: «Ромэн Гафанович, да вы что! Они все и мизинца вашего не стоят!» Я абсолютно искренне ему сказала. Он человек монументальный, больше, чем человек, как мне тогда казалось. Не небожитель, конечно, но — сверхчеловек. «Вы так действительно думаете?» Я искренне сказала: «Конечно!» И он паузу выдержал и говорит: «А ведь чёрт возьми вы правы!» Вот это я очень хорошо запомнила.

Также я помню, как он на госнике меня вытянул. Просто у нас преподавательница такая суровая, Салова Светлана Алексеевна, очень чётко чувствовала, когда ты чего-то не знаешь, и, если она была не в настроении, она могла именно туда надавить, и этот пробел в твоих знаниях выявить, и оценка, соответственно, была бы ниже. Это был госэкзамен. Предмет я уже точно не скажу. Но помню присутствие Ромэна Гафановича Назирова, Саловой Светланы Алексеевны, ещё нескольких преподавателей, и мне достался билет, где первый вопрос я знала хорошо, а второй практически не знала. И когда я села отвечать, я первый вопрос очень подробно начала рассказывать, с какими-то деталями, и мне сказали уже: всё-всё, переходим ко второму вопросу. И, видимо, Ромэн Гафанович, который очень внимательно за мной наблюдал, он понял, что второй вопрос — это моё слабое место. И я начала что-то говорить, какие-то пока общие фразы, и в общем-то в общих чертах этот вопрос охарактеризовала, и понятно было, что мне нечего добавить. Я ожидала, что мне тоже скажут: «Ну всё, хватит». Но мне такого не сказали, и Светлана Алексеевна, у неё такое выражение лица было такое ехидное, она говорит: «У меня есть вопрос». И тут же Ромэн Гафанович её перебил, и говорит: «Светлана Алексеевна, у меня тоже есть вопрос. Не возражаете?» Она уже так обречённо сказала: «Да, конечно, Ромэн Гафанович». То есть она уже поняла, что он меня будет спасать. И он говорит: «Катя, вы когда-нибудь были в Санкт-Петербурге?» Я говорю: «Была, Ромэн Гафанович». «А вы видели там Аничков мост?» И какой-то ещё мост назвал. Там такие львы: у них лежат на лапах шары или чтото такое. «Да, припоминаю». «Правда чудесно?» Я говорю: «Да!» То есть это абсолютно не относилось ни к моему вопросу, естественно, ни к экзамену. Ни к чему, там. Даже близко. Он: «Ну, я думаю, у комиссии больше вопросов нет». И Светлана Алексеевна тоже замолчала. Сказала: «Ладно!» Нет вопросов так нет вопросов. Ну и естественно, пятёрка. Потому что не было вопроса, на который я бы не ответила. Такой был случай.

А общение ваше личное, когда ты ещё училась, оно было про что?

Да, и когда училась, и когда уже начала работать, оно продолжалось. Я помню, что он мне позвонил, я его голос не узнала. Я так понимаю, он пережил инсульт, как он мне сказал, он упал прямо на улице. И к нему потом подошли люди. Просто на улице его парализовало. В этих же случаях речь тоже страдает. По голосу чувствовалось, что он своей речью в полной мере не владеет. И вот он сказал, что он попал в больницу. А потом, я так поняла, что в больнице у него тромб обнаружили, который нужно было удалить. Он очень много курил. Я вот так и не знаю, перед смертью он, вроде, бросил. Ему сказали, что вообще нельзя курить. Он очень боялся операции. Он мне звонил и говорил: «Я боюсь, что я не переживу». У меня было стойкое...у меня с одной стороны, как бы вот тоска была, что, вроде, плохо, но внутри я абсолютно точно знала, что у операции будет хороший исход. Я ему об этом сказала: «У меня предчувствие, что всё будет хорошо». И он говорит: «Вы меня успокаиваете». Я говорю: «Нет, серьёзно, у меня ощущение. Вы настраивайтесь на самый лучший исход. Всё будет хорошо». И действительно, он эту операцию пережил, но после этого мы не разговаривали. Но мне кто-то, кто был в курсе этой ситуации, сказал по телефону, что операция действительно прошла хорошо, что он даже шутил с медсёстрами: «Мне удалили тромб, пора снова жениться». А потом получилось, что ещё один тромб, который они не увидели, не обнаружили, он оторвался, и закупорил сосуды. И он умер во сне. Легко, во сне, без мучений.

И ещё меня долго жгли слова после нашей встречи у мемориальной доски, его парализовало, он позвонил и он сказал: «Вы мне, Катя, несчастье принесли». Я думала: при чём здесь я? Может быть, он так пошутил, а я серьёзно восприняла. Я так поняла, что сразу после нашей встречи ещё недели не прошло, с ним такое приключилось.

Им невозможно не восхищаться. Ты его знал, ты разделяешь это мнение. А ещё вышел фильм «Мастер и Маргарита», там Лавров великолепно сыграл. У меня даже ощущение, что Назировский дух в нём присутствовал в этой роли. Там и голос такой, и взгляд, и какая-то манера, и достоинство. Когда я на него смотрю в этой роли, у меня ощущение чёткое, что это Назиров. Похоже так он там держится. Это очень большое достоинство, царственность, гордость во всём облике. И, конечно же, уважение к другим людям, к их проявлениям. Хотя я помню, он мне говорил, ну и не только мне, а вообще студентам, что не верит в загробный мир, что он материалист, что не верит, что что-то есть. И я даже помню, как у нас был последний курс, какая-то лекция, и он шутил: «Будете по мне поминки справлять, скоро я умру». Как-то, вроде, пытался шутить, но у всех реакция такая была:

ну что вы такое говорите, Ромэн Гафанович! Так нельзя говорить» А он: «А я не суеверный, я не верю, что там что-то есть. Надо рассуждать здраво, что там ничего нет, мы умираем и всё». Он был этому верен. Но я не знаю, может быть, потом у него поколебались эти его убеждения.

Нам он такого уже не говорил открыто на курсе о культуре и религии. Может быть, потому что не чувствовал уже такого эмоционального контакта со студентами.

 ${\cal S}$ помню, что был такой момент, когда он сказал, что не верит в загробную жизнь. Что нет там ничего.

А помнишь ли ты ещё какие-то темы, на которые вы общались?

Ну мы с ним специально не встречались, вдвоём не сидели нигде в кафе. Это было чисто такое общение на учёбе и потом уже после. Кроме той встречи у мемориальной доски мы не виделись. Я помню, что на выпускном он постоянно был с нами, рядом сидел, у нас было такое тёплое общение, тёплый контакт.

Им невозможно было не восхищаться, и у него чувство юмора было великолепное.

На лекциях студентов было гораздо больше, чем нас. Слава Ромэна Гафановича гремела, и даже приходили с других факультетов послушать его лекции. Там был такой математический гений, он сейчас в Лондоне, Гриша Спивак, по-моему, он тоже приходил к нам.

Это человек, перед которым можно преклоняться в хорошем смысле. Настолько он был какой-то мегалит. В нём такой аристократизм, который сейчас уже не встретишь у мужчин. Или это такие зрелые, накачанные знанием и мудрые мужчины. Редкость.

Здорово, что у нас общение продолжилось, потому что в начале я его безумно боялась. Это был такой авторитет, такой человек, который молнии из глаз может метать. Действительно, его гнев был ужасен, от его гнева трепетали студенты. Это была не истерика, но он мог ударить кулаком по трибуне, с которой выступал, и это было страшно.

Я многие лекции просто выкинула, а вот его тетради я храню. Но я думаю, что так многие студенты сделали. Потому что это было безумно интересно.